

ИСТОРИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 9(47+57)7

А. С. Акопянц

К вопросу о расхождениях большевиков и меньшевиков после Октября 1917 года: кто изменил партийной программе?

Статья посвящена вопросу о расхождениях в оценке значения Программы Российской социал-демократической рабочей партии, принятой на II съезде РСДРП в 1903 г., между меньшевиками и большевиками, обозначившихся после Октября 1917 г. Эти расхождения отражали суть идейно-теоретических и политических споров между ними, связанных прежде всего с оценкой октябрьских событий, их содержанием и значением. Характерными чертами меньшевистской публицистики стали, как показано в работе, утверждения о преждевременности большевистского переворота, невозможности социалистических преобразований в то время, неизбежности поражения или перерождения революции. Считая октябрьский переворот отходом от демократических завоеваний Февральской революции, меньшевики обвинили большевиков в измене Программе РСДРП, отказе от ее важнейших общедемократических требований. Большевики, напротив, настаивали на социалистическом характере октябрьских событий и считали, что программа-минимум РСДРП, выражавшая цели буржуазно-демократической революции, была доведена до конца.

Изучение большевистской публицистики показывает, что отношение большевиков к общедемократическим требованиям российской социал-демократии (демократической республике, всеобщему избирательному праву, учредительному собранию и др.) претерпело в этот период существенное изменение. В отличие от социал-демократов, большевики, развивая мысль о верховенстве интересов революции, отказались считать демократию категорией универсального значения и подчинили форму демократии ее классовому содержанию. Политическое значение Программы РСДРП для них было исчерпано. Это дает основание утверждать, что большевики по существу отказались от социал-демократической программы. Принятая большевиками в 1918 г. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) сохранила в плане преемственности со «старой» программой лишь положение о социалистической революции и диктатуре пролетариата, которая стала краеугольным камнем политики большевиков в переходный период.

Ключевые слова: *российская социал-демократия, меньшевики, большевики, Программа российской социал-демократической рабочей партии, публицистика.*

Октябрь 1917 г. стал решающим событием, определившим трансформацию идейно-теоретических расхождений в Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в политическую борьбу между большевиками и меньшевиками. Одним из аспектов идейно-теоретических споров стал вопрос об отношении к Программе РСДРП, получивший отражение как в меньшевистской, так и в большевистской публицистике. Обращение к ней дает возможность представить сущность различий во взглядах на Программу, предопределенных оценкой октябрьских событий, их содержанием и значением.

Меньшевики не признали октябрьские события 1917 г., считая взятие власти большевиками преждевременным. Основатель российской социал-демократии Г. В. Плеханов в открытом письме петроградским рабочим, напечатанном 28 октября 1917 г. в газете «Единство», писал: «Товарищи! Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А. Ф. Керенского и политическая власть

перешла в руки Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Скажу вам прямо: меня эти события огорчают» [1, с. 244]. Г. В. Плеханов был убежден в том, что захват политической власти произошел «слишком рано», когда капитализм не исчерпал еще своего поступательного развития и не были осуществлены необходимые демократические преобразования в рамках буржуазного строя. Эту точку зрения разделяли все течения меньшевиков. Утверждения о преждевременности большевистского переворота, невозможности социалистических преобразований в России, неизбежности поражения или перерождения революции, отрицание ее социалистического характера стали типичными чертами меньшевистской историографии.

На экстренном Всероссийском съезде РСДРП (объединенной), состоявшемся 30 ноября – 16 декабря 1917 г., предвидя последствия «преждевременного» захвата власти, меньшевики приняли резолюцию с требованием отказа от «социального утопизма и от попыток власть всей демократии подменить диктатурой меньшинства». В резолюции содержался призыв

остановить политику произвола и насилия, направленную на разжигание гражданской войны, восстановить все политические свободы и созвать Учредительное собрание [2, с. 4]. В меньшевистской публицистике утвердилась мысль о том, что после Октября была установлена не диктатура пролетариата, как считали большевики, а «диктатура крайнего меньшинства пролетариата», «якобинская диктатура активного меньшинства», «диктатура большевиков», навязавшая свою волю населению страны и ставшая, по существу, «диктатурой над пролетариатом». Суть вопроса социал-демократы видели не в плоскости «признания» или «отрицания» диктатуры пролетариата, а в том, может ли она быть формой власти в данный момент. Большевики предполагали, что неизбежным следствием «перескакивания» через исторические ступени станет ущемление демократии и свободы в стране.

Считая октябрьский переворот отходом от демократических завоеваний Февральской революции, меньшевики обвинили большевиков в измене принятой в 1903 г. Программе РСДРП, признанной обеими фракциями социал-демократической партии. По их мнению, это выражалось в отказе от важнейших общедемократических требований Программы. Нарушение гражданских и политических прав и свобод (выражавшихся, в частности, в отмене свободы слова, печати, избирательных прав буржуазии, а также в произволе по отношению к представителям социалистических партий), они считали несовместимыми с Программой РСДРП. Революционное насилие и государственное принуждение свидетельствовало, по их мнению, о крене в сторону диктатуры в ущерб демократии.

Одним из первых об «измене» большевиков Программе РСДРП писал в статье «Революция и Учредительное Собрание» (декабрь 1917 г.) Ю. О. Мартов: «Большевизм порвал с программой РСДРП бесповоротно, когда объявил задачей революции социалистический переворот в России» [3, с. 362]. П. Б. Аксельрод в работе «Кто изменил социализму?» характеризовал большевизм как течение, «враждебное основным идеям нашей партийной программы» [4, с. 21]. Б. Яковенко в своей книге «Философия большевизма» писал, что отказ большевиков от социал-демократической программы является следствием социального утопизма их целей. Пытаясь ускорить

переход к социализму, большевики, писал Б. Яковенко, произвольно изменили направление демократического развития и преждевременно перешли от программы-минимум к программе-максимум. Он отмечал, что социал-демократы до 1917 г. твердо стояли на базе ортодоксального марксизма, исповедуя «предварение стадии социалистической революции стадией политической революции и господства буржуазно-либерального демократизма», однако октябрьские события 1917 г. нарушили эту последовательность. В результате «советизм, долженствовавший теоретически явиться потенцированным воплощением, кульминационным пунктом “демократизма”, конкретно и фактически оказался отменой этого последнего... глубоким искажением, уничтожением самых основных принципов всякого демократизма» [5, с. 7, 24, 31, 32]. По мнению Ф. И. Дана, большевики исказили идею диктатуры пролетариата, составлявшую программу-максимум РСДРП. Установленная большевиками «террористическая диктатура меньшинства» противоречила пониманию содержания этого термина российскими социал-демократами [6, с. 4].

Критика меньшевиками большевистских форм и методов управления показала внутренние противоречия большевистской политики: самые грандиозные цели – и социально-экономическая отсталость страны, стремление к непосредственным максимальным результатам вне внимания к объективным условиям, склонность к решению социально-политических проблем авторитарными методами. Испытывая давление революционной стихии, большевики выражали утопические чаяния поднявшихся на революцию масс, надеявшихся на немедленное наступление «царства социализма». Утопический компонент содержался в теоретических установках и в политике большевиков. Лидер большевиков В. И. Ленин был убежден в социалистическом характере революции, в том, что буржуазно-демократическая революция была доведена «до конца», что большинство пролетариата было на стороне большевиков [7, с. 326; 8, с. 5]. Большевики считали, что программа-минимум, т. е. общедемократическая часть Программы РСДРП, утратила свое значение, мотивируя это коренным изменением внутренней (свершение социалистической революции) и внешней обстановки, сложившейся после 1917 г.

Краеугольным пунктом политики большевиков стал лозунг диктатуры пролетариата.

Рассчитывая на скорое наступление мировой пролетарской революции, В. И. Ленин принял мировой революционный подъем 1917–1920 гг. за начало эры всемирной коммунистической революции. Он верил в неизбежность «краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества» [9, с. 48]. Вождь большевиков подчеркивал: «...мы не только не боимся выйти за пределы буржуазного строя, а, напротив, ясно, прямо, точно и во всеуслышание говорим, что мы выйдем за эти пределы, что мы пойдем безбоязненно к социализму» [10, с. 373]. Отвечая в 1919 г. на вопрос, предложенный агентством United Press, о правительственной программе внутренней и внешней политики, В. И. Ленин ответил: «Наша, революционная, программа состояла, собственно, из одного общего пункта: свержение ига помещиков и капиталистов, свержение их власти, освобождение трудящихся масс от этих эксплуататоров. Этой программы мы никогда не изменяли» [11, с. 113]. Одним «общим» пунктом В. И. Ленин, таким образом, считал и преодоление остатков феодализма, и борьбу с буржуазией. Он подчеркивал: «Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции проходя, мимоходом, как “побочный продукт” нашей главной и настоящей, *пролетарски-революционной, социалистической работы*» [12, с. 147].

Разумеется, В. И. Ленин не мог не осознавать неготовность социально-экономических и политических отношений в России для перехода к социализму. Он признавался: «У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет» [13, с. 180]. Вместе с тем он придавал слишком большое значение политическим факторам в ущерб законам общественно-экономического развития. Возражая социал-демократам, обвинявшим большевиков в том, что они «перескочили» через этап буржуазной революции, В. И. Ленин пытался доказать, что «пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать *себе* государственную власть, а потом эту государственную власть, т. е. диктатуру пролетариата, использовать как орудие

своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся» [8, с. 12]. В одной из последних работ В. И. Ленин назвал «беспорным» положение об отсутствии в России экономических предпосылок для социализма. И все-таки он настаивал на том, что можно начать «с завоевания революционным путем предпосылок» для этого определенного уровня, «а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [14, с. 381].

Отношение В. И. Ленина к основным общедемократическим требованиям Программы РСДРП (демократической республике, всеобщему избирательному праву, учредительному собранию и др.) претерпело в этот период существенное изменение и давало основание для справедливого упрека социал-демократов-меньшевиков в том, что большевики, по существу, отказались от социал-демократической программы. В работах «Тезисы об Учредительном собрании», «О “демократии” и диктатуре», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и других он обосновал свою точку зрения на демократию как на сугубо классовое понятие. В отличие от социал-демократов, рассматривавших демократию как самостоятельную ценность и противопоставлявших ее диктатуре, он и другие большевики не считали демократию категорией универсального значения. Он называл обманом «чистую» демократию, демократию «вообще», «всенародную» демократию и подчинял форму демократии ее классовому содержанию: «Демократия *для какого класса?*» [7, с. 259].

Считая диктатуру пролетариата качественно новым, высшим типом демократии, В. И. Ленин утверждал: «Пролетарская демократия *в миллион раз* демократичнее всякой буржуазной демократии» [7, с. 257]. Он решительно отвергал «буржуазный» парламентаризм как механизм общественного управления, считая его ступенью, «превзойденной теперь нашей революцией», и допускал возможность его использования лишь в том случае, «если ход борьбы отбросит нас назад, на известное время» [15, с. 58].

Уже в декабре 1917 г. В. И. Ленин пришел к выводу, что требование созыва Учредительного собрания, входившее в Программу РСДРП, приходит «в столкновение с волей и интересами трудящихся и эксплуатируемых

классов, начавших 25 октября социалистическую революцию против буржуазии» [16, с. 165]. Он считал неправильным формально-юридический подход к вопросу об Учредительном собрании «вне учета классово-вой борьбы и гражданской войны» [16, с. 166]. Оправдывая разгон Учредительного собрания в январе 1918 г., он подчеркивал: «...интересы революции стоят выше формальных прав Учредительного собрания» [7, с. 278]. Этот вывод имел далеко идущие последствия.

Развивая мысль о верховенстве «интересов революции», В. И. Ленин неоднократно обращался к одному из эпизодов программной дискуссии на II съезде РСДРП в 1903 г. – отношению к основным демократическим принципам [17, с. 184–185; 7, с. 290–291; 18, с. 183]. Вопрос, носивший тогда отвлеченный характер, приобрел особую остроту. Выступление Г. В. Плеханова по этому вопросу на съезде оказалось в фокусе политической борьбы. После разгона Учредительного собрания в 1918 г. его председатель эсер В. М. Чернов прямо обвинил Г. В. Плеханова в том, что большевики реализовали обоснованный им в 1903 г. принцип «революционной целесообразности». Отвечая на вопрос, должны ли революционеры в своей практической деятельности придерживаться каких-нибудь безусловных принципов, Г. В. Плеханов в 1918 г. повторил: «Я всегда говорил и писал, что у нас должен быть только один безусловный принцип: благо народа – высший закон. И я не раз пояснял, что, в переводе на революционный язык, принцип этот может быть выражен еще так: высший закон – это успех революции». Вместе с тем Г. В. Плеханов резко осудил роспуск Учредительного собрания, считая это «новым и огромным шагом в области гибельного междоусобия в среде трудящегося населения России» [1, с. 257, 267].

В работах В. И. Ленина и других большевиков смысл выступления Г. В. Плеханова на II съезде РСДРП трактовался иначе. В. И. Ленин подчеркивал, что революционные марксисты «никогда не делали себе божка из “чистой” (буржуазной) демократии». Перефразируя слова Г. В. Плеханова, он утверждал, что «Плеханов говорил тогда на съезде партии, принимавшем программу, что пролетариат в революции отнимет, при надобности, избирательное право у капиталистов, *разгонит какой угодно парламент*, если он окажется контрреволюционным» [7, с. 290–291]. Обращаясь к

авторитету Г. В. Плеханова, большевики старались оправдать свою позицию в отношении роспуска Учредительного собрания. Так, Г. В. Зиновьев, ссылаясь на выступление Г. В. Плеханова об условности демократических принципов, подчеркивал, что высшим законом являются интересы революции, поэтому принципы демократии, существование парламента, всеобщее избирательное право, введение смертной казни зависят от «обстоятельств, времени и места» [19, с. 136, 139]. Вопросу «революционной целесообразности» придавалось принципиальное значение. В революционном насилии большевики видели справедливое возмездие со стороны угнетенных классов тем, против кого осуществлялась революционная диктатура пролетариата – «власть, завоеванная и поддерживаемая насильем пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами» [7, с. 245; 20, с. 64, 66]. Это определяло суть революционного правосознания.

Отрицание «буржуазной» демократии нашло отражение в Программе РКП(б), принятой в 1919 г. на VIII съезде РКП(б), значительная часть которой была написана В. И. Лениным. Это, по существу, была программа «военно-коммунистического» управления страной. Главным содержанием Программы РКП(б) была борьба за укрепление диктатуры пролетариата. Поэтому наибольшее развитие в ней получила характеристика пролетарской диктатуры как «высшего типа демократии». В Программе РКП(б) было устранено деление на программу-максимум и программу-минимум, характерное для Программы РСДРП. Это объяснялось тем, что диктатура пролетариата, бывшая конечной целью социал-демократии, «стала фактом» [21, с. 22]. В области политической Программа ставила целью покончить «с глубоко вкоренившимися предрассудками насчет безусловного характера буржуазных прав и свобод» [22, с. 76]. Общедемократические требования Программы РСДРП расценивались в ней как требования буржуазной демократии, носившие «формальный характер». Вместо них в Программе РКП(б) содержалось узкоклассовое требование демократии для «угнетенных» классов [22, с. 76–77]. Характеризуя новую политическую систему, В. И. Ленин подчеркивал: «Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян,

и в то же время он означает разрыв с *буржуазным демократизмом...*» [12, с. 147].

Вопрос о том, следует ли сохранять преемственность со «старой» программой – Программой РСДРП – и в какой мере, встал еще в ходе обсуждения Программы РКП(б). Было высказано мнение о том, что в переходный период она полностью утратила свое значение. Речь шла о теоретической части Программы, в которой содержалась характеристика капитализма и диктатуры пролетариата. Такой точки зрения придерживался Н. И. Бухарин. Защищая свой проект партийной программы на VIII съезде РКП(б), он выступил против того, чтобы в Программу РКП(б) была включена теоретическая часть Программы РСДРП, на чем настаивал В. И. Ленин, и предлагал «выбросить совершенно цитирование старой программы». С точки зрения «военно-коммунистических» взглядов Н. И. Бухарина, сохранение преемственной связи со старой программой – «это излишний пиетет, излишняя почтительность к нашему прошлому» [21, с. 33, 34].

В отличие от Н. И. Бухарина, В. И. Ленин предлагал использовать то, что давала Программа РСДРП для понимания того, «что нас подвело к самой социалистической революции» [23, с. 156]. Он подчеркивал, что Программа РСДРП правильно наметила тенденции капиталистического развития и цели борьбы российского пролетариата. С этой точки зрения он предлагал воспроизвести Программу РСДРП «в главной ее части», чтобы уяснить «исторические корни нашего мирозерцания» [24, т. 38, с. 83].

Возражая Н. И. Бухарину, В. И. Ленин отмечал, что «не почтение к старому» заставляет его настаивать на включении в новую программу теоретической части и не то, что она писалась

при его участии [23, с. 153]. Сохранение теоретической части Программы РСДРП диктовалось, по мнению В. И. Ленина, историческим характером эпохи, переходной от капитализма к социализму: «Тот капитализм, который был обрисован в 1903 г., продолжает оставаться и в 1919 г. в Советской пролетарской республике» [23, с. 154]. В. И. Ленин настаивал и на сохранении в Программе РКП(б) требования права наций на самоопределение, входившего в программу-минимум РСДРП. «Левые» коммунисты Н. И. Бухарин и Г. Я. Пятаков предлагали вообще убрать его из Программы РКП(б) как якобы разобщающее пролетарские массы и заменить требованием самоопределения трудящихся. В. И. Ленин, однако, считал это преждевременным, поскольку такая постановка вопроса не учитывала того, «с какими трудностями, каким извилистым путем идет дифференциация внутри наций» [23, с. 160]. В ретроспективных ленинских оценках были показаны не только отличия Программы РСДРП от новой «коммунистической» программы, но и то, что, по его мнению, следовало сохранить в последней, исходя из новой политической ситуации. По настоянию В. И. Ленина, вся теоретическая часть Программы РСДРП была введена в Программу РКП(б) Комиссией по выработке программы, несмотря на возражения Н. И. Бухарина.

Таким образом, в ходе разработки и обсуждения Программы РКП(б) определилось отношение большевиков к Программе РСДРП. Преемственность обеих программ сводилась лишь к общим положениям о характеристике капитализма, социалистической революции и диктатуре пролетариата. Политическое значение Программы РСДРП для большевиков было исчерпано.

Библиографический список

1. Плеханов Г. В. Год на Родине. Париж : Povolozky, 1921. 550 с. (Полн. собр. статей и речей 1917–1918 г.).
2. Новый луч. 1917. 6 дек.
3. Мартов Ю. О. Избранное. М. : Внешторгиздат, 2000. 672 с.
4. Аксельрод П. Б. Кто изменил социализму? (Большевизм и социальная демократия в России). Нью-Йорк : Народопрствство, 1919. 30 с.
5. Яковенко Б. Философия большевизма. Берлин : Рус. универсал. изд-во, 1921. 61 с.
6. Дан Ф. Социал-демократия и диктатура пролетариата // Социалистический вестник. 1933. № 1/2. С. 4–7.
7. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1963. С. 235–338. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 37).
8. Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. М. : Изд-во полит. лит., 1977. С. 1–24. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 40).
9. Ленин В. И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии. 8 марта. М. : Изд-во полит. лит., 1981. С. 43–57. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 36).

10. Ленин В. И. К пересмотру партийной программы. М. : Изд-во полит. лит., 1981. С. 351–381. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 34).
11. Ленин В. И. Ответ на вопросы американского журналиста. М. : Изд-во полит. лит., 1981. С. 113–117. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 39).
12. Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. М. : Изд-во полит. лит., 1974. С. 144–152. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 44).
13. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о партийной программе 19 марта. М. : Изд-во полит. лит., 1981. С. 174–184. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 38).
14. Ленин В. И. О нашей революции. М. : Изд-во полит. лит., 1975. С. 378–382. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 45).
15. Ленин В. И. Резолюция об изменении названия партии и партийной программы. М. : Изд-во полит. лит., 1981. С. 58–59. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 36).
16. Ленин В. И. Тезисы об Учредительном собрании. М. : Изд-во полит. лит., 1974. С. 162–166. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 35).
17. Ленин В. И. Плеханов о терроре. М. : Изд-во полит. лит., 1974. С. 184–186. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 35).
18. Ленин В. И. Как буржуазия использует ренегатов? М. : Изд-во полит. лит., 1981. С. 182–194. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 39).
19. Зиновьев Г. История Российской коммунистической партии (большевиков): популярный очерк. М. ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. 194 с.
20. Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. М. : Гос. изд-во, 1920. 340 с.
21. Бухарин Н. Обоснование партийной программы : доклад на VIII съезде РКП // Программа и Устав РКП (большевиков). М. : Ком. ун-т им. Я. М. Свердлова, 1924. С. 31–38.
22. Программа РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 16 т. Т. 2. 9-е изд. М. : Политиздат, 1983. С. 65–87.
23. Ленин В. И. Доклад о партийной программе 19 марта. М. : Изд-во полит. лит., 1981. С. 151–173. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 38).
24. Ленин В. И. Черновой набросок проекта Программы РКП. М. : Изд-во полит. лит., 1981. С. 83–102. (Полн. собр. соч. : в 55 т. ; т. 38).

A. S. Akopyants

On the Question of the Split between Bolsheviks and Mensheviks after October, 1917: Who Betrayed the Party Programme?

Abstract. The article deals with the divergences that arose after October, 1917 in the assessment of importance of the Russian Social Democratic Labour Party Programme adopted in 1903 at the Second Congress of the Russian Social Democratic Labour Party. The divergences between Mensheviks and Bolsheviks clearly reflected the essence of theoretical and political disagreements between the two groups about the assessment of the meaning and importance of the October political events. The characteristic features of Menshevik's publications in the press were ideas about the prematurity of Bolshevik revolt, the impossibility of socialist reforms at that given time, and unavoidable failure or degeneration of the revolution. Regarding the October revolt as a deviation from the February Revolution democratic achievements, Mensheviks accused Bolsheviks of betraying the Programme, of abandoning its key democratic demands. Bolsheviks, on the contrary, insisted on the socialist nature of the October political events and considered the Programme which proclaimed the goals of bourgeois-democratic revolution to have been completed.

The research of Bolshevik publications in the press shows that the Bolsheviks' attitudes toward the general democratic demands of Russian social democracy such as the democratic republic, the comprehensive electoral right, the Constituent Assembly, etc., had undergone considerable changes at that period. Unlike Social Democrats, Bolsheviks promoted the idea of the supremacy of revolution and refused to regard democracy as a universal category, thus subordinating the democratic form to the class content. The Programme had no more political significance for them. This allows to make a conclusion that Bolsheviks in fact abandoned the social democratic programme. Adopted in 1918, the Programme of Russian Communist (Bolshevik) Party inherited from the previous programme only the ideas about socialist revolution and the dictatorship of proletariat that became a cornerstone of the Bolsheviks' set of policies during the transition period.

Key words: *Russian Social Democrats; Mensheviks; Bolsheviks; Russian Social Democratic Labour Party Programme; publications in press.*

Акопяниц Анаит Суменовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и политология» СГУПС. E-mail: anaitak@mail.ru